

Александр Арсаньев

Похищение

Бабушкин сундук

Александр Арсаньев

Похищение

«Научная книга»

Арсаньев А.

Похищение / А. Арсаньев — «Научная книга», — (Бабушкин сундук)

Итак, снова здравствуйте. Позвольте представиться – Александр Арсаньев, ваш покорный слуга. И снова хочу представить на ваш суд очередной «шедевр» литературного творчества моей пра-, пра-, пра-... тетушки по отцовской линии – Екатерины Алексеевны Арсаньевой. На данный момент вышло уже четыре тома, в которых моя дорогая tante расследует различные преступления. Сейчас на ваш суд я представляю пятое произведение.

Содержание

* * *	5
Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Арсаньев

Похищение

* * *

Итак, снова здравствуйте. Позвольте представиться – Александр Арсаньев, ваш покорный слуга. И снова хочу представить на ваш суд очередной «шедевр» литературного творчества моей пра-, пра-, пра-... тетушки по отцовской линии – Екатерины Алексеевны Арсаньевой.

Для тех, кто прочел первые четыре романа, это имя, смею надеяться, стало не просто знакомым, но и близким, а тем, кто еще не знаком с творчеством моей многообожаемой тетушки, разрешите сделать небольшое вступление.

Для начала я расскажу, как, собственно, попали в мои руки записки тетушки. Это случилось в ту пору моей жизни, когда, кажется, почва ушла из-под ног окончательно и бесповоротно. Мне исполнилось сорок, и я оказался на мели в полном смысле этого слова, т. е. во всех отношениях. И именно тогда, когда, да простит мне Господь, я подумывал о том, не расстаться ли вовсе с таким жалким существованием, совершенно неожиданно раздался телефонный звонок, который оказался для меня судьбоносным. Мне сообщили о том, что я получил наследство от одной из родственниц моего отца – дом в Саратове. Недолго думая, я вступил в право наследования, и вот в этом-то доме, построенном в 1867 году я и обнаружил клад – сундук, доверху наполненный бумагами моей дальней родственницы. Бумаги представляли собой как дневниковые записи, так и готовые повести и рассказы, посвященные событиям из жизни моей замечательной и, не побоюсь этого слова, выдающейся родственницы – Екатерины Арсаньевой.

Тетушка моя родилась в Саратове в 1830 году, в богатой и довольно знатной семье. Она, естественно, получила отличное образование, владела несколькими языками и вообще, для того времени являлась особой, как бы сейчас выразились, довольно «продвинутой». Когда пришло время, Катя вышла замуж за Александра Христофоровича Арсаньева, занимавшего в ту пору должность главного следователя полицейского управления. К сожалению, жизнь в браке с этим благородным и достойным человеком для Катеньки не была долгой. Он погиб во цвете лет от руки злоумышленников, и Катя осталась вдовой в свои неполные двадцать семь.

Мужа своего госпожа Арсаньева трепетно любила, и их отношения, судя по документам, являли собой предмет зависти, так они были хороши. И молодая вдова, не верившая в то, что супруг, человек здоровый и жизнерадостный, вдруг мог умереть от сердечного приступа, решила на небывалый по тем временам шаг – расследовать обстоятельства смерти ее любимого супруга. Поскольку в годы супружества она многому научилась у Александра Христофоровича относительно методов расследования, то это ей удалось и, собственно, этому расследованию и посвящены первые две книги данного сериала.

А затем уже позже Екатерина Алексеевна решила заниматься частным сыском и далее. Естественно, что в те времена ни о каких лицензиях не было и речи, впрочем, как и о гонорах, а потому *ma tante* занималась этим исключительно «из любви к искусству». Позже, уже на стыке веков, тетушка решила попробовать восстановить события ее жизни по памяти, а чаще по своим дневникам, которые имела привычку вести, и написала не один десяток повестей и романов в жанре криминального романа, только зарождавшегося тогда в России.

Я с небывалым энтузиазмом принялся за исследование литературного наследия и, более того, взял на себя труд перевести (поскольку большей частью они были написаны на французском) и отредактировать все эти труды, с тем, чтобы ознакомить с ними и вас, дорогой читатель. На данный момент вышло уже четыре тома, в которых моя дорогая *tante* расследует различные преступления. Сейчас на ваш суд я представляю пятое произведение.

К слову сказать, за это время я успел уже, как это говорят, «насобачиться» и теперь уже перевод наследия для меня не так труден. Кроме того, я решил, что могу (могу ли?) несколько дополнить общую картину повествования и потому постарался раздобыть некоторые, весьма редкие, документы того времени. Но в целом я попытался сохранить ту форму изложения, что избрала себе моя родственница, несмотря на собственные ремарки и комментарии, а это вызвано в первую очередь тем, что стиль повествования середины XIX века все же заметно отличается от современного.

Вот, пожалуй, и все, что я хотел бы сказать в своем вступлении. Но я с вами еще не прощаюсь, поскольку не раз еще возникну на страницах этого романа, так что – до встречи и приятного вам чтения...

Глава первая

Начать, пожалуй, следует с января 1859 года...

Этот сезон обещался быть крайне интересным. Совсем недавно на нашей саратовской сцене дебютировал Николай Карлович Милославский, прекрасно игравший характерных героев и героев-любовников, а чуть позже вступил на сцену и Петр Михайлович Медведев.

В городе поговаривали, что новая постановка с двумя этими замечательными актерами в главных ролях, автора Сухово-Кобылина, превосходит все ожидания. Пьеса называлась «Свадьба Кречинского», Милославский играл самого Кречинского, а Медведев выступал в роли Расплюева.

К моему стыду, я эту пьесу еще не видела. Но, тут же хочу оправдаться – я собиралась посмотреть ее нынче, т. е. в этом сезоне. Дело в том, что я пролежала добрую часть осени и зиму в лихорадке, которую подхватила еще в деревне. Получилось, что я провела все эти дни до Рождества дома и лишь на Святки смогла появиться в обществе.

К превеликому моему сожалению и Шурочка, и Петр решили провести эту зиму в столице, и я пребывала долгие дни в совершенном одиночестве. Пока болезнь прогрессировала, я, в принципе, об этом не жалела – не слишком мне хотелось, чтобы меня наблюдал кто-то в таком не авантажном виде, но после, когда я пошла на поправку, мне, признаться, очень не хватало их общества. Некоторое разнообразие вносили частые их письма из Санкт-Петербурга, но вот описания столичных увеселений больше вызывали во мне чувства не совсем подходящие. Я скучала в своем заточении, а оттого порой и завидовала моим друзьям...

Рождество в этом году выпало на понедельник, и Дворянское собрание, как всегда, расстаралось и устраивало балы едва ли не каждый день. Еще бы, время, когда их можно было бы устраивать, достаточно ограничено – всего несколько недель и придет Масленица, а после нее и Великий пост. А это означает, что на семь недель никаких развлечений, по крайней мере, общественных. Останутся только частные вечера, но на них, как правило, и народу поменьше, да и веселья такого не предвидится.

Десятого числа, в четверг, я наконец-то собралась с духом и, критически осмотрев себя в зеркале, решила посетить городской бал. Приглашение пришло еще позавчера, причем, князь Владимир Алексеевич Щербатов, наш предводитель дворянства, прислал начертанную собственноручно записку, в которой просил меня непременно быть. Человек он был воспитанный и приятный во всех отношениях, водил дружбу с моим покойным мужем и у меня, право слово, совсем не было повода отказывать ему, тем более что и самочувствие мое вполне позволяло поехать. К тому же в своей записке Владимир Алексеевич сообщил, что приехал из столицы его кузен, генерал Селезнев, со всем своим семейством.

Этого генерала, теперь уже в отставке, знавала некогда еще моя матушка, поскольку человек он был в возрасте, сейчас ему, по моим подсчетам, было около пятидесяти лет. Родился Валерий Никифорович здесь, в Саратове, а, как только вошел в сознательный возраст, лет десять ему тогда, наверное, исполнилось, все семейство переехало в столицу. Папенька господина Селезнева был военным и дослужился до полковника, да и сын пошел по его стопам. В первую же Турецкую компанию пошел на фронт, отличился, а затем и стал продвигаться по службе. За последнюю компанию, что была в пятьдесят третьем – пятьдесят шестом годах, получил орден Св. Анны 2-й степени, Императорскою Короною украшенного, с мечами над орденом, как и полагается. Затем медали: за обе Турецкие войны, взятие приступом Варшавы, Польский знак 4-й степени за военное достоинство и знак отличия беспорочной службы за XX лет. После этого Валерий Никифорович благополучно вышел в отставку.

Произошло сие знаменательное событие в прошлом году, наш предводитель дворянского собрания даже ездил погостить к своему кузену в те дни. Познакомился с его семьей и, думается, пригласил его в Саратов с ответным визитом.

Кстати, о семье немолодого генерала следует сказать отдельно. Он, судя по салонным разговорам, мужчина еще очень крепкий, женился поздно, девять лет назад, т. е. в возрасте сорока лет. Супругу взял моложе себя на двадцать один год, девушка из хорошей семьи, как говорили, молода, красива, с ангельским характером. Елизавета Михайловна родила Селезневу дочь, а три года назад подарила и сына. В целом о них говорили, что люди они приятные, воспитанные и гостеприимные. Честно говоря, мне хотелось с ними познакомиться.

Я позвала Алену и приказала приготовить мне платье. За время болезни я изрядно похудела и побледнела, а потому решила, что лучше всего надеть что-нибудь светлое, иначе моя нездоровая бледность будет слишком явно свидетельствовать о недавней болезни. А это, само собой, повлечет различные пересуды, от которых мне, честно признаться, хотелось бы уклониться. И так не обойдется без вопросов о моем здоровье. Словом, остановилась на бледно-розовом платье с только что вошедшим в моду кринолином, расшитым миленькими алыми розочками и с не слишком глубоким декольте, дабы не смущать мужчин чересчур выпирающими ключицами и, снова повторяюсь – не вызывать пересудов у дам.

К пяти часам платье было готово, прическа уже уложена и, одевшись, я села в сани. Дворянское собрание, в котором и проводился нынешний бал, располагалось недалеко – в центральной части Саратова, на улице Московской, – и, когда Степан остановил сани у подъезда, я поняла, что прибыла далеко не первой. Здесь уже был, судя по стоящим тут же крытым возкам с гербами на дверцах, сам губернатор, Алексей Дмитриевич Игнатьев, а также вице-губернатор Василий Павлович Александровский. Сие означало, что нынешний вечер обещался быть очень насыщенным, поскольку любое появление наших губернских начальников сопровождалось ажиацией, такие уж они были люди...

Я вздохнула, вышла из саней и направилась к особняку. В просторной прихожей меня встретили два новых лакея в расшитых золотом зеленых ливреях. Я оставила им свою песцовую ротонду и, осмотрев свое отражение в настенном зеркале в резной раме, поправила локоны и проследовала по направлению к бальной зале.

Бальная зала была украшена весьма мило: еловыми лапами и гирляндами, а в центре стояла наряженная высокая ель. Я вошла, обменялась кивками с несколькими знакомыми, отметила, что нынче губернатор выглядит молодцом и о чем-то оживленно беседует со своим помощником, чиновником особых поручений, надворным советником Ананием Дмитриевичем Волоховым и предводителем дворянства – Владимиром Алексеевичем.

Дамы нашего общества, как всегда, блистали, я перемолвилась несколькими словами с некоторыми из них и тут же попала в поле зрения Михаила Дмитриевича Позднякова, занимавшего должность старшего полицмейстера. С ним мы были в теплых, дружеских отношениях, он весьма уважал моего покойного супруга и нередко составлял мне компанию на таких вот вечерах, с тех пор, как я овдовела, поскольку сам танцевал редко и предпочитал посидеть в уголке и побеседовать. Ему нужен был благодарный слушатель, коим я нередко и являлась.

Мы поздоровались и Михаил Дмитриевич, человек редкого такта, даже не спросил ничего о моей болезни, однако заметил, что я хорошо выгляжу, за что получил от меня благосклонную улыбку. Танцевать я не собиралась, поэтому мы прошли с ним к одному из диванов и сели.

– Ну, как у вас дела? – спросила я Позднякова. – Что нового произошло в городе за время моего вынужденного «заточения»?

– Ох, Екатерина Алексеевна, – театрально вздохнул Михаил Дмитриевич, – да разве ж у нас может произойти что-то, что было бы достойно вашего интереса? Никак нет-с... Все по-прежнему. Начальство, – тут он понизил голос почти до шепота, – гуляет, берет взятки, делает

нагоняй подчиненным и неугодным, по театрам ходят... А так, – он пожал плечами и стал говорить в своей обычной манере, – боле ничего. Pardon, и по своей части хвастать ничем не могу, – Михаил Дмитриевич сделал печальные глаза. – Поверите ли, Екатерина Алексеевна, никакой занятой истории в запасе не имею...

– Не может быть! – вскинула я брови в притворном изумлении. – Как это, подполковник, вы – и вдруг не имеете, что рассказать?!

Дело в том, что Михаил Дмитриевич слыл изрядным рассказчиком, у него была претолочнейшая память, и он мог развлекать историями из собственной практики не один час. Правда, справедливости ради, следует заметить, что далеко не все из этих историй были приличными и не многие из наших дам выражали желание их послушать, но я, да и моя подруга Шурочка, слушали Михаила Дмитриевича с интересом.

– Eh, bien, – вздохнул он. – Хорошо, дорогая моя Екатерина Алексеевна, только из уважения к вам, – он лукаво стрельнул глазами. – Только прошу, *ente vous*, обещаете?

– Конечно, – ответила я, – это останется между нами...

– Итак... – начал было он, я приготовилась слушать, но увы...

Здесь в дверях залы появился, надо полагать, сам генерал Селезнев с супругою, поэтому мое внимание незамедлительно переключилось на эту блистательную, не побоюсь этого слова, пару.

Валерий Никифорович и вправду оказался мужчиной представительным и, по всей видимости, действительно довольно крепким, как и говорила молва. Об этом, по крайней мере, весьма красноречиво свидетельствовала его высокая, крупная фигура с военной выправкой и гордо посаженная голова. Черты лица его были приятными, хотя несколько резковатыми – большой прямой нос, круглые светло-ореховые глаза, яркие губы под шикарными усами с редкой проседью, с подусниками и густыми бакенбардами. Чем-то он походил на императора, и из этого я сделала вывод, что генерал по своим убеждениям не иначе, как поклонник императора. Он был в расшитом золотом мундире и при всех своих регалиях. Держался бодро и производил впечатление внушительное.

Его супруга, Елизавета Михайловна, довольно высокая для женщины, обладала завидной статью. Светлые густые волосы причесаны на парижский манер, платье замечательного цвета пармских фиалок, с декольте, с широким кринолином. Оно прекрасно сочеталось с ее васильковыми глазами. На белоснежной шее Елизаветы Михайловны было надето прекрасное бриллиантовое кольцо, в центре которого сияли и переливались в свете люстр два больших изумруда и три, не меньшего размера, сапфира. Должно быть, такое украшение стоило целое состояние.

Черты ее спокойного и красивого лица были мягкими – небольшой аккуратный носик уточкой, пухлые губы, легкий румянец на нежных щеках, высокий чистый лоб. Она и вправду была чудо как хороша. Я подумала о том, что мы с Елизаветой Михайловной почти ровесницы, но, глядя на ее стройную фигуру и беззаботное выражение лица, даже как-то не верилось, что она – почтенная дама и мать семейства, так она была непосредственна и по юному свежа.

– Михаил Дмитриевич, – обратилась я к Позднякову, дождавшись паузы в его рассказе, – а ведь это, должно быть и есть Селезнев, в честь которых, неофициально, конечно, и устроен этот бал. Не так ли?

Поздняков проследил за моим взглядом. Генерала с супругой уже приветствовал князь Щербатов. Их окружили влиятельнейшие люди нашего города и, судя по всему, генералу пришлось по вкусу такое внимание. Он оживленно о чем-то говорил, улыбался, даже, похоже, шутил. Елизавета Михайловна так же была приветлива и мила. Михаил Дмитриевич согласно закивал головой.

– Да, это и есть главный гость нынешнего вечера. Вас еще не представили? – я качнула головой. – Ну, что ж, это вполне поправимо. Думаю, что Владимир Алексеевич непременно исправит это нынче же.

Я улыбнулась, вспомнив сопроводительную записку предводителя дворянства. В итоге так и оказалось. Господин Щербатов представил меня генералу и его супруге чуть позже. Генерал оказался шутником и весельчаком, супруга же, наоборот, дамой великосветской и сдержанной. Я была приглашена к ним на обед в субботу. Елизавета Михайловна, похоже, очень любила своих детей, поскольку настояла на том, чтобы ушли они с вечера немного раньше, сославшись на то, что дети одни. Селезнев благосклонно отнесся к пожеланию жены, и они отправились в числе первых.

Я за весь вечер потанцевала только с Поздняковым, не потому, что кавалеров больше не нашлось, а потому что чувствовала еще небольшую слабость после болезни. Тем не менее, Елизавета Михайловна, прежде чем покинуть Дворянское собрание, успела станцевать несколько туров вальса. По всему было заметно, что она пришлась, как это говорится, ко двору и пользовалась большой популярностью среди наших кавалеров. Да и супруг ее тоже, надо сказать, на месте не сидел, не то, чтобы протанцевал весь вечер, но все же...

Я, пожалуй, обратила внимание только на графа Успенского, молодого и весьма привлекательного человека, одного из лучших наших женихов. Точнее, даже не на него, а на то, как переглядывались они с Селезневой. Не удивлюсь, подумала я, если Вадим Сергеевич, так звали Успенского, вскорости станет в генеральском доме частым гостем.

С бала я уехала сразу после Селезневых, сославшись на слабость. Владимир Алексеевич был очень мил и даже проводил меня, напомнив о том, что я обещала быть в субботу у его кузена на обеде. Мы попрощались, и я поехала домой, совершенно уставшая от непривычного шума, от музыки, лиц, освещения. Да, думала я, все же даже такой перерыв в светских развлечениях неминуемо сказывается на нашем восприятии...

Здесь, милый читатель, позвольте ненадолго возникнуть мне. Дело в том, что дальнейшие несколько страниц текста местами просто невозможно разобрать, во-первых, из-за того, что чернила выцвели, а во-вторых, из-за того, что писаны они на французском, а я, к моему великому сожалению, небольшой знаток французского языка. Но в целом, могу сказать, что говорится здесь о том самом обеде у Селезневых, причем с подробным описанием блюд. А я и тут не обладаю обширными познаниями и даже сам не могу понять, что обозначают те или иные названия. Посему прошу прощения и пропускаю несколько страниц, чтобы не утомлять вас дословным пересказом и перейти непосредственно к действиям, имеющим прямое отношение к сюжету повести.

* * *

Так прошло чуть больше месяца...

Выяснилось, что генерал, выйдя в отставку, решил не просто погостить в нашем городе несколько дней, а пожить здесь хотя бы два-три года, отдохнуть, как он выразился, от столичного шума и суеты.

Двадцать второго февраля я была приглашена к Селезневым на обед в честь маленького Николая Валерьевича. Мальчику исполнилось три годика и родители, не чаявшие души в своем малыше, решили устроить самый настоящий праздник. Среди приглашенных не было нашего губернатора, он уехал в столицу по каким-то там делам, и, несмотря на то, что всего приглашенных было человек тридцать – совсем немного, праздник удался на славу.

Ника, так звали в семье младшего Селезнева, от обилия подарков буквально светился. Мальчуган он был крепенький, сообразительный и шустрый. Я и сама его успела полюбить с тех пор, как впервые увидела, оказавшись на обеде у Селезневых. Ника был похож на отца – те же ореховые глаза и каштановые кудри, да и по характеру, скорее был в папеньку, нежели в маменьку. А его сестрица, моя тезка, наоборот, вела себя очень сдержанно и благообразно,

особенно для девочки восьми лет. У нее были русые волосы и голубые глаза и, как мне подумалось, из нее могла получиться в будущем настоящая красавица, ничем не хуже маменьки.

Селезневы принимали просто, в доме у них царила атмосфера благодушия и искреннего гостеприимства, что было очень приятно. С детьми они не были строги, скорее даже наоборот. Дети имели практически полную свободу, проводили немало времени с родителями, что по нынешним временам все же редкость. В столице, как рассказали мне, за младшими Селезневыми приглядывала гувернантка, француженка по происхождению, как говорили, дама строгая. Сейчас мадемуазель Эттингер была отпущена к своим родным, обосновавшимся где-то на водах, и ее приезда ожидали на масленой, а пока за детьми присматривала горничная Глаша.

Глафира была обучена грамоте, в доме служила с самого детства, отличалась спокойным и ровным характером, сообразительностью, что так ценится в хороших слугах, и пользовалась у Елизаветы Михайловны доверием, к тому же, дети свою Глашу просто обожали. Внешности девушка была приятной и неброской, с длинной светло-русой косой, в теле, с широкоскулым лицом, большими серыми глазами и улыбчивым ртом.

За прошедшее время я уже успела сдружиться с Елизаветой Михайловной, бывала у них в доме довольно часто и принимали меня там запросто, как свою. Из нашего общества таким расположением пользовался, за исключением кузена генерала, только граф Успенский. Как я и подумала еще на январском балу, этот молодой и блистательный человек, хотя и немного шалопай, ухаживал за Елизаветой Михайловной трепетно, но настойчиво. Признаюсь, меня несколько удивляло то спокойствие, с которым к ухаживаниям Успенского относился Валерий Никифорович, но потом я решила, что он, возможно, просто доверяет своей супруге. К слову сказать, Елизавета Михайловна принимала ухаживания Вадима Сергеевича с легкой, едва насмешливой улыбкой, но ни разу в моем присутствии не позволила себе ничего лишнего. Так что и меня перестали терзать сомнения относительно ее верности генералу и доброго ее имени.

Однако вернусь к приему в честь маленького Ники. По этому поводу мальчика впервые нарядили в костюмчик а-ля гренадер и этот наряд, судя по всему, пришелся ему по вкусу. Я приехала одной из первых. Поздоровавшись с хозяевами и подарив маленькому Нике замечательную, английского производства, деревянную лошадку на колесиках, выкрашенную в черный цвет, с густой льняной гривой и хвостом (я выписала ее из столицы, обратившись по случаю в письме к Шурочке с просьбой присмотреть какую-нибудь хорошую игрушку для мальчика), я прошла в угол убранной цветами залы и присела на диван, наблюдая за тем, как Ника, тут же оседлав мой подарок, попросил Глашу покатасть его. Горничная сразу же взялась за шелковую уздечку и покатила новоявленного наездника в малую гостиную. Николай Валерьевич, похоже, был доволен и выглядел бравым военным, вооружившись деревянной саблей и то и дело крича своему Буцефалу (или горничной?): «Но! Но!»

Я улыбнулась, наблюдая за мальчуганом. Однако скоро начали съезжаться гости и, спустя короткое время, Николай Валерьевич, получивший все полагающиеся ему подарки, был отправлен в детскую, а гостям объявили, что через два часа будет подан обед в честь именинника.

Оглядев приглашенных, прогуливающих по комнате в ожидании угощения, я заметила вездесущего господина Позднякова, который, встретившись со мной глазами, вежливо раскланялся с небольшой компанией кавалеров и дам, с которыми он вел какую-то скучно-светскую беседу (это было заметно по безнадежно-тоскующему взгляду госпожи Тереньевой, а также по едва заметным аристократическим зевкам князя Шипина) и, не спеша, с приятной улыбкой направился в мою сторону.

– Bon soir, – сказал он и наклонился поцеловать мою руку. – Вы прекрасно выглядите, дорогая Екатерина Алексеевна.

– Благодарю вас, Михаил Дмитриевич, – улыбнулась я. – Присаживайтесь, расскажите, как поживаете.

– Merci, – он сел рядом. – Да что я? Как вы-то поживаете? У меня все по-прежнему: служба, дом и друзья... – он сделал жест рукой. – Кстати, вы знаете последнюю новость?

– О чем? – спросила я.

– О новом столичном назначении, – я изобразила интерес и отрицательно покачала головой.

– Non? – спросил он. – Тогда слушайте. Вы ведь знаете, что в нашей удельной конторе с некоторый пор образовалась вакансия на место управляющего?

– Я кивнула.

– Так вот, сударыня, нам его назначили... Причем, – тут Михаил Дмитриевич сделал большие глаза, – личность весьма интересная... Николай Александрович Мордвинов, сын столичного сенатора, который в начале тридцатых управлял небезызвестным Третьим отделением. Однако сынок, видно, не в отца пошел, – Поздняков слегка усмехнулся. – В сорок девятом привлекался к делу петрашевцев, а в пятьдесят пятом и вовсе был арестован по подозрению в распространении антиправительственных прокламаций в Тамбовской губернии... Представляете?

– Революционер? – удивилась я.

– Ну, по крайней мере, из сочувствующих, – констатировал Михаил Дмитриевич. – Оправдали, конечно, молодого человека исключительно благодаря папенькиному заступничеству, а нынче, восьмого числа, назначили указом к нам-с...

– Да... – задумчиво проговорила я. – Теперь, пожалуй, понятно, зачем наш губернатор так спешно поехал в столицу...

– Oui, – удовлетворенно кивнул головой Поздняков. – Представляете, какие чувства испытал Алексей Дмитриевич, узнав о таком назначении? С его-то патологической ненавистью ко всем революционно настроенным гражданам?

– Я снова согласно закивала.

– Он даже не посчитался с тем, что действующий губернский комитет об устройстве и улучшении быта крестьян, как вы знаете, требует его присутствия. И пока наш губернатор в отъезде, от князя Щербатова требуется большая работоспособность.

Тут мое внимание привлекла незнакомая молодая пара, появившаяся в дверях. Мужчина был довольно высок, худощав и строен, волосы у него были светлыми, но не в пепельный оттенок, а в пшеничный. Его лицо было бледным, черты тонкими – прямой, немного хищный нос, выразительные яркие губы, твердый подбородок, высокие скулы, черные крылья бровей и глаза... Глаза были большие, редкого разреза, напомнившего мне о фараонах Древнего Египта, влажные и словно бы светящиеся. Одет он был в безупречно сидящую на нем черную фракную пару, белую визитку, рубашку с высоким крахмальным воротничком, а на его груди красовался, белый же, шелковый галстук с, сверкнувшей в свете люстры, бриллиантовой булавкой.

Его спутница была, наоборот, миниатюрна и изящна, она была в светло-фиолетовом платье с открытыми плечами и контрастной, белого цвета, кружевной отделкой. Черные волосы были собраны в новомодную невысокую прическу, украшенную какими-то незатейливыми, но очень милыми цветами и белыми лентами, а завитые локоны очень живописно лежали на ее алебастровых плечах. Ее миловидное личико вполне могло бы казаться красивым, если бы не, на мой взгляд, несколько заостренные черты – остренький подбородочек, остренький же небольшой носик, высокие скулы и глаза, не такие черные, как у ее кавалера, но темные и блестящие, правда, с иным разрезом, больше круглые, чем миндалевидные.

Словом, пара была, что говорится, на загляденье. Мужчина окинул взглядом залу и без всякого стеснения направился прямо к генеральскому кружку. Его спутница несколько поотстала и присоединилась к дамам, в числе которых находилась жена нашего губернатора, Прас-

ковья Александровна. Судя по тому, как приняли в этих высоких, по нашим меркам, кругах незнакомцев – с улыбками, приветственными жестами и оживленными расспросами, я поняла, что они уже успели освоиться в наших палестинах. Мне стало невероятно интересно, кто же это такие. Я повернулась к что-то говорящему Михаилу Дмитриевичу и, мило и извиняюще улыбнувшись, спросила:

– Скажите, Михаил Дмитриевич, а кто эта милая дама и ее спутник? Я их не знаю, но, судя по всему, их знает все наше общество. Давно ли?

– А, вы, должно быть, спрашиваете о Лопатиных? – Поздняков посмотрел в сторону гостей, потом на меня. Я кивнула.

– Это Сергей Александрович Лопатин со своей сестрой Натальей. Появились они в нашем городе буквально неделю назад. Сергей Александрович сразу же нанес визит и губернатору, и Владимиру Алексеевичу, очень понравился и завязал знакомства с нашими чиновниками.

– В том числе и с вами? – я лукаво улыбнулась, посмотрев на Позднякова.

– В том числе и с вашим покорным слугой. Да и с нашим хозяином, как вы сами изволите наблюдать. А что? Человек Лопатин приятный, начитанный и образованный, к тому же, что немаловажно по нынешним временам и редкость среди молодых, – тут Михаил Дмитриевич поднял указательный палец правой руки, желая подчеркнуть свое высказывание, – лишен всех этих новомодных прозападных идей. Патриот, в самом лучшем смысле этого слова, высказывания у него исключительно проправительственные, так что, как вы сами, сударыня, можете понять, – он хитро улыбнулся, – такой человек не мог не прийтись по душе местному обществу.

Я тихонько хихикнула, прекрасно понимая, что это камень в огород Игнатьева, ну а уж про генерала Селезнева и вовсе говорить не стоит. Он настолько привержен монархии, что любые политические разговоры в его доме, в которых высказывались бы новомодные свободолюбивые идеи, просто невозможны.

– Так, – я кивнула головой, – а чем еще примечателен новичок?

– Ну, Екатерина Алексеевна, неужели же вы решили, что это все его достоинства? – шутливо пожурил меня Поздняков. – Отнюдь... Сергей Александрович подполковник в отставке, говорят, отличился изрядной храбростью во время последней военной компании. Кавалер Анны 4-й степени за эту отличительную храбрость. Имеет хорошие столичные рекомендательные письма, аж от самого губернатора. Правда, последние года большей частью провел на водах, это, поговаривают, из-за здоровья Наталии Александровны, но в чем там закавыка – неясно. Да и неважно это, не так ли?

Я с интересом наблюдала за Лопатиными и с таким же интересом внимала господину Позднякову. На вопрос всего лишь согласно кивнула, рассматривая Сергея Александровича. Он слегка улыбался и слушал генерала, его глаза рассеянно блуждали по залу и вот, наконец, встретились с моими. Признаюсь, я от этого внимательного взгляда слегка стушеввалась, вдруг подумав о том, что этот человек еще сыграет в моей жизни какую-то роль. Ощущение было довольно сильным, и я с трудом отвела глаза, внутренне удивляясь собственным мыслям.

– Так вот, – продолжил мой словоохотливый собеседник, – это не самое интересное. Лопатины сразу попали в наш круг, нашлись общие знакомцы из столицы, да и на водах, опять же, бывает практически весь свет. Но самое главное то, что Сергей Александрович приехал сюда с тем, чтобы открыть у нас коммерческий банк.

– Вот как? – удивилась я, глядя теперь на Позднякова, чтобы не встретиться вновь взглядом с Лопатиным, внушившим мне чувство беспокойства. – А он что, знаток коммерции?

– Ну, по всей видимости, так, – Михаил Дмитриевич улыбнулся. – По крайней мере, реляции имеет отменнейшие по коммерческой деятельности. А банк, который, к слову, открывает в ближайшее время, обещает неплохие дивиденды. К тому же, Лопатин затеял выстроить

в городе еще один приют для сироток, и Алексей Дмитриевич прочит его на вакансию постоянного члена в приказе общественного презрения.

– Да, я смотрю, что Лопатин уже освоился у нас, – в задумчивости проговорила я, бросив на него быстрый взгляд.

Я надеялась, что этот маневр останется незаметным, только пустое, Лопатин словно бы ждал этого момента, тут же галантно поклонился, вызвав интерес у генерала и предводителя дворянства. Они оба повернулись, чтобы посмотреть, кому Лопатин отвесил этакий поклон и, увидев меня, приветливо заулыбались. Владимир Алексеевич что-то сказал Николаю Александровичу Купферу, одному из депутатов нашего дворянского собрания, и они удалились в малую гостиную, в которой, по случаю приема, были поставлены столы для игр, а Валерий Никифорович вместе с Лопатиным направились в нашу сторону.

– Ну вот, – сказал Михаил Дмитриевич, – а теперь, дорогая моя Екатерина Алексеевна, вам самой представляется возможность оценить эту столичную штучку, – и он тихонько хохотнул.

«Столичная штучка», помимо обладания инфернальной внешностью и перечисленных мне достоинств, имел приятный баритон. Это выяснилось сразу же, как только Селезнев представил мне господина Лопатина.

– Польщен, – проговорил Сергей Александрович, поцеловав мне руку и задержав ее на секунду дольше, чем того требовал этикет.

Надеюсь, что это не было слишком заметным, но вот взгляд господина Лопатина, наверняка заметили многие. Взгляд был прямым, открытым, изучающим и вместе с тем, mesmerическим. Я подумала о том, что, должно быть, у Лопатина репутация знатного сердцееда. Еще бы! С такими-то глазами! Но взгляд его я выдержала с достоинством, даже не смутилась. «Так-то, господин Лопатин. Положение молодой, состоятельной вдовы, весьма недурной внешности еще не делает меня легкой добычей для ловеласов», – подумала я, глядя в его блестящие глаза.

Не знаю, понял ли он, что именно я хотела ему втолковать, но взгляд его изменился, смягчился и, кажется, Сергей Александрович оказался несколько смущен.

– Очень рад познакомиться с такой очаровательной женщиной, – Лопатин улыбнулся.

Я ответила искренней улыбкой и проговорила:

– Mersi, monsieur.

В этот момент к нам присоединился Владимир Алексеевич, поздоровавшись со мной, поцеловав мне ручку, справившись о моем здоровье, выразив радость по поводу моего присутствия на этом замечательном вечере, он позволил, наконец, и мне произнести фразу. Я обратилась к господину предводителю дворянства:

– Владимир Алексеевич, и мне очень приятно видеть вас снова. Расскажите, – я не удержалась от быстрого взгляда в сторону Позднякова, – какие у нас новости?

Щербатов, основательный мужчина, камер-юнкер и надворный советник, сверкнув белозубой улыбкой и покрутив ус, ответил:

– Ну, не стану вас утомлять разговорами о том, как идут дела на заседаниях комитета. Все это скучно, хотя и в новинку. А вот, Екатерина Алексеевна, одна из более приятных новостей перед вами-с, – я удивленно вскинула брови и посмотрела на Лопатина, тот наоборот, глаза опустил. – Сергей Александрович Лопатин затеял здесь у нас весьма богоугодным делом заняться. Приют детский построить, больницу для нищих.

– Похвально, – сказала я. Лопатин поклонился.

– Outre cela, могу добавить, – продолжил Щербатов, – что господин Лопатин открывает банк, в который уже многие собираются поместить свои капиталы, поскольку наш банкир, – и тут Владимир Алексеевич позволил себе небывалую вольность, похлопав Лопатина по плечу, – обещает нам неплохие дивиденды...

– Весьма похвально, – снова сказала я и посмотрела на будущего господина банкира, который, церемонно поклонившись, пригласил меня на тур вальса.

Я, к своему великому изумлению, совершенно неожиданно для себя самой, согласилась. Вальсировал Сергей Александрович прекрасно. Я, признаюсь, даже не заметила, как закончился танец, такое удовольствие было кружиться со статным красивым кавалером, который к тому же, оказался весьма воспитанным и обладающим тонким юмором. Что и говорить, к концу вальса, я была практически очарована его персоной. Но голову терять я совсем не собиралась. Да, господин Лопатин был, судя по первому впечатлению, человеком обаятельным, но мне ли не знать, что в свете практически все таковы – снаружи, на людях ласковые да шелковые, а внутри, сами по себе, черствые и циничные. Взять хоть нашего губернатора, но *taisez-vous*, больше не слова о нем...

Лопатин, провожая меня к дивану, попросил разрешения представить мне свою младшую сестру, Натали. Я благосклонно отнеслась к этому, все же было интересно, что она из себя представляет и слишком ли сильно отличается от брата. Судя по тому, как она кокетничала с молодыми военными, не особенно и отличается. Сергей Александрович прошел через залу, приблизился к группке молодежи, в числе которой была и Натали и, склонившись, что-то прошептал ей на ухо. Натали тут же метнула в мою сторону быстрый, жаркий какой-то взгляд, смущенно улыбнулась, видимо, пролепетала извинения и направилась вместе с братом ко мне. Я тем временем удобно устроилась на диване и взяла бокал с шампанским, чтобы освежиться после танца.

Лопатины подошли, Натали сделала реверанс, я улыбнулась, и Сергей Александрович представил нас друг другу. После этого я пригласила девушку присесть рядом, и мы завели светскую беседу о том, как ей понравился наш город. Натали отвечала как и положено благовоспитанной девушке ее возраста (ей едва ли было больше восемнадцати лет), но только иногда в ее глазах читалось явное беспокойство. Она то и дело нервно вздрагивала, искала глазами брата, который, испросив позволения, оставил нас и присоединился к нескольким чиновникам в противоположном углу залы.

Но в целом, Натали произвела на меня вполне приятное впечатление, и я сказала ей, что была бы рада продолжить наше знакомство. На это Натали искренне улыбнулась и даже хотела пожать мне руку, но вовремя спохватилась, что жест этот неуместен в данной ситуации. Она смутилась, и я выразила надежду, что, несмотря на разницу в возрасте, мы вполне могли бы стать подругами. На мое предложение дружбы, Натали ответила восторженным взглядом, сказав, что у меня в городе такая прекрасная репутация и дружба с такой достойной и уважаемой особой ей очень лестна. Мы условились, что завтра же она приедет ко мне с визитом.

Обед был восхитительным...

Здесь позвольте снова сделать небольшой пропуск, поскольку идет очередное описание блюд. Моя тетушка, как вы уже поняли, была гурманкой и порой ее труды напоминают мне кулинарную книгу. Сделаем паузу в повествовании и вернемся к действию...

Я уехала домой одной из первых, поблагодарив хозяев за прекрасный вечер. Лопатин на прощание поцеловал мне руку и, глянув своими дикими, теперь я уже могла найти определение – цыганскими глазами, заверил, что Натали непременно будет у меня.

Глава вторая

На следующий день, в половине третьего пополудни, в мою дверь позвонили. Я подумала, что это, должно быть, Натали и велела Алене проводить гостью в гостиную, а заодно распорядится насчет чая.

День нынче выдался ярким и солнечным, я выглянула в окно и подумала о том, что, пожалуй, было бы неплохо прогуляться. Кутаясь в легкую шаль с кистями, я села на диван и приготовилась принять госпожу Лопатину. Однако вместо Натали в гостиную влетел раскрасневшийся от мороза Николай Валерьевич, а следом за ним появилась и Елизавета Михайловна. Мальчик бросился ко мне, я ласково его обняла:

– Добрый день, Ника, – сказала я. – Здравствуйте, Елизавета Михайловна.

– Доблый день, Екателина Алексеевна, – старательно выговорил мальчуган, ему еще не давалась буква «р».

Ника отошел от меня и начал разглядывать изразцы на печи. Елизавета Михайловна подошла ко мне, я поднялась, и мы слегка пожали друг другу руки.

– Садитесь, пожалуйста, – пригласила я ее.

– Mersi, – кивнула она и, улыбнувшись, села на диван рядом со мной. – Вы уж извините, милая Екатерина Алексеевна, – слегка смутившись, проговорила она, – что мы так, запросто, к вам пожаловали... Ника после вчерашнего вашего подарка буквально влюблен в вас. – Ника снова подошел ко мне и сел рядом. – Мы поехали прогуляться и, проезжая мимо вашего особняка, я имела неосторожность сказать ему, что он – ваш. Ника тут же начал проситься к вам в гости, и мы с Глашей никак не могли его утихомирить. Пришлось сдаться... Извините нас? – она с нежностью посмотрела на Нику.

– О, конечно же! – ответила я. – Вы ведь знаете, что я всегда рада вас видеть. Приходите всегда так, запросто, мои двери открыты и для вас, и для ваших деток...

– Вот видишь, тамап, – оживленно заговорил Ника, – она совсем не плотив!

В комнате появилась Алена с подносом, и я предложила Николаю Валерьевичу посмотреть комнаты вместе с моей горничной и Глашей, которая осталась на кухне. Насколько я успела узнать Глафиру, она была девушка скромная и никогда не появлялась в господских комнатах без особого приглашения.

– А после, – сказала я малышу, – мы будем пить чай.

Алена взяла его за ручку и Ника, улыбнувшись нам на прощание совершенно счастливой улыбкой, отправился на осмотр моих скромных владений. Мы же с Елизаветой Михайловной сели к столу и завели беседу о вчерашнем вечере. Разговор вскользь коснулся Лопатиных.

– Кстати, вы знаете, – сказала я, – что Натали сегодня должна быть у меня. По-моему, она славная девушка, и мне захотелось познакомиться с ней поближе.

– Пожалуй, вы правы, – кивнула Елизавета Михайловна, – они оба очень приятные люди. Я, признаюсь, тоже хотела бы завести с ней знакомство, ведь здесь у меня больше нет подруг, кроме вас, разумеется. – Мы обменялись улыбками.

– Ну что ж, тогда вам предоставляется такая возможность. Дождитесь ее, она, должно быть, будет очень скоро. К тому же, мне кажется, что и Натали нужны подруги, она ведь в городе совсем недавно и знакомств, как я поняла, еще не успела завести. Девушка осталась без родителей, а в столь нежном возрасте всегда желательно иметь подругу старше и опытней. Вы согласны?

Елизавета Михайловна только успела кивнуть мне в ответ, как раздался звонок.

– А, это, должно быть, Натали.

В комнату вошел лакей и сказал, что прибыли господа Лопатины с визитом. Я велела их просить и, спустя несколько минут, в комнату вошли Сергей Александрович с сестрицею.

Лопатин при дневном свете показался мне чудо как хорош. Я, помимо своей воли, залюбовалась его стройной фигурой и красивым лицом. Одет он был в серый камлотовый куртку, серые брюки на штрипках, белую рубашку, черный жилет и черный же галстук с сапфировой булавкой. Он сверкнул своими дикими глазами и галантно поклонился.

Натали была бледна и по всему заметно, что нервничала. На ней было темно-синее закрытое муаровое платье, которое облегалo ее стройный стан и гармонировало с ее глубокими черными глазами. На лифе платья была прикреплена чудесная небольшая брошь с бриллиантами и изумрудом.

– Здравствуйте, – поздоровался Лопатин и по очереди поцеловал нам с Селезневой руки. – Вот, как и обещал, Екатерина Алексеевна, привез к вам Натали.

Натали сделала легкий книксен и тоже поздоровалась. Мы с Елизаветой Михайловной ответили на приветствие, и я пригласила гостей присоединиться к нашему столу. Натали робела и прятала глаза, усиленно изучая узор на расшитой цветами скатерти, зато ее брат был оживлен и принялся рассказывать о том, как продвигаются хлопоты относительно предстоящего открытия банка.

Его глаза горели, и я невольно подумала о том, что он, пожалуй, если захочет, может кого угодно уговорить, убедить и вообще, как это говорится, заразить своими идеями. Словом, поддаться влиянию его магнетического взгляда было очень даже просто. Мы слушали его не отрываясь. По всему выходило, что человек он в коммерческих делах сведущий, рассказчик великолепный, а уж мужчина... Просто обворожительный.

Сергей Александрович принес с собой свежий номер «Губернских новостей», в которых было помещено объявление об открытии банка и еще одну газету, называющуюся «Городские новости», купленную им на водах, где рассказывалось о точно таком же банке, который существует уже третий год и приносит его вкладчикам стабильную и, надо сказать, немалую прибыль.

В целом, получалось, что новый банк сулит не только неплохие дивиденды, но к тому же, выступает попечителем многих богоугодных дел – приютов для детей и стариков и больниц для неимущих. Все так, как и рассказывали мне Поздняков и Щербатов. Признаюсь, мне было приятно, что в нашем городе появился такой человек, способный хотя бы отчасти встряхнуть нашу сонную общественность, употребив свои таланты на действительно добрые дела.

Мы задавали Сергею Александровичу разные вопросы, и он охотно на них отвечал, все это касалось только дел и будущих планов и проектов, о личном же, само собой, не было сказано ни слова. Натали по большей части отмалчивалась, хотя мы с Елизаветой Михайловной пытались время от времени ее разговорить.

– Скажите, Сергей Александрович... – хотела спросить его о чем-то я, но в этот момент дверь открылась и в комнату вошли обе горничные и Ника.

Мальчик, увидев незнакомых людей, ведь Лопатины появились на приеме у Селезневых одними из последних, несколько ступешался, но, перехватив взгляд Елизаветы Михайловны, поздоровался, пролепетав:

– Здравствуйте, – и подбежал к маменьке.

Я смотрела на малыша, когда услышала этот звук. Поначалу я даже не поняла, что именно случилось, но потом, глядя в расширенные глаза мальчика, сообразила, что что-то страшное. Я перевела взгляд на Лопатиных и даже растерялась. Лицо Натали было неестественно бледным, на щеках выступили ярко-красные пятна, глаза буквально впились в мальчика. Она задрожала, судорожно вцепившись в скатерть, затем она снова издала этот звук – глухой, сдавленный стон, закатила глаза и завалилась набок, падая вместе со стулом. Сергей Александрович тоже побледнел, подхватил ее, а когда ее тело начали сотрясать судороги, крикнул, обращая ко мне:

– Уведите ребенка! Разве вы не видите, что ей плохо?! Куда ее можно положить?!

Мы с Елизаветой Михайловной вышли из оцепенения, в которое впали, обе, не сговариваясь, подскочили, Ника захныкал, перепугавшись вида Натали, изо рта которой уже пошла пена. Я велела Алене проводить Лопатиных в комнату для гостей, Сергей Александрович поднял сестру на руки и спешно последовал за горничной.

Елизавета Михайловна принялась утешать Нику, он плакал пуще прежнего и только твердил:

– Домой, хочу домой! Домой, к рара! Домой!

– Да, да, конечно, mon bébé! Tout de suite! Мы сейчас же едем домой! Екатерина Алексеевна, Глаша, дорогие мои, помогите мне его успокоить, – обратилась она к нам со слезами на глазах. Николай Валерьевич никак не хотел успокаиваться.

Мы втроем принялись уговаривать малыша снова и снова, но он ничего не хотел слушать и только плакал. Наконец, мы кое-как одели его и, уже в дверях я принялась извиняться. Как бы там ни было, skandale произошёл в моем доме. Елизавета Михайловна отмахнулась и сказала, что я-то уж ни в чем не виновата и сама должна кое-кого извинить. В любом случае, мы сговорились, что пока не станем кому-либо говорить о случившемся, за исключением, конечно, генерала Селезнева, от него все равно ничего не скроешь. Ника так рвался к рара, что было ясно, у кого он станет искать утешения. Елизавета Михайловна просила меня быть завтра или хотя бы прислать записку, относительно самочувствия Натали.

Проводив подругу, я вернулась в гостиную. Наверное, нужно было послать за доктором, я позвала Степана и велела запрягать. Недалеко от меня проживал господин Рюккер, коллежский ассессор, врач Александровской больницы, я велела ехать к нему, по выходным он нередко принимал у себя, на Дворцовой улице в доме г-жи Поляковой.

Однако врача не понадобилось. В гостиную вошел растерянный и бледный Сергей Александрович и прямо с порога принялся извиняться за то, что произошло. Я сказала, что сейчас поедут за врачом, но он отмахнулся, объяснив, что это не понадобится. Признаться, я очень удивилась и господин Лопатин, прекрасно понимая, в каком скандальном положении они с сестрой оказались, срывающимся от волнения голосом попросил меня выслушать его.

Я кивнула и спросила, как больная, он ответил, что судороги прекратились и ей всего лишь нужно немного времени, чтобы прийти в себя. Тогда я села и приготовилась выслушать все, что хотел сказать мне этот странный, но все равно невероятно красивый господин, нервно расхаживающий сейчас по моей комнате.

– Екатерина Алексеевна, – начал он, – я прекрасно понимаю, в каком положении оказался и как вы, должно быть, сейчас думаете обо мне и моей несчастной сестре. Но, – он бросил на меня быстрый встревоженный взгляд, – прежде чем осудить нас и выставить нас на посмешище перед светом... – я возмущенно вскинула брови. – Нет, нет, – тут же сказал он, – я ни в коем случае не думаю о вас дурно, но... Ситуация действительно получилась скандальной... Я все понимаю... – Он помолчал. – Так вот, прежде чем осудить нас, прежде чем я паду в ваших глазах так низко, что даже не посмею больше показаться к вам, – он снова обжег меня взглядом, – позвольте мне все же рассказать вам нашу историю. Может быть, хотя я и не уверен... Но... Может быть, после моего рассказа, вы все-таки измените о нас свое мнение, которому нынче был нанесен такой, практически непоправимый, удар. Позвольте? – он вопросительно посмотрел на меня, встав у стола.

Я, признаюсь, уже разволновалась, мне отчего-то показалось, что сейчас он собирается открыть мне большую тайну. Глупо, не правда ли? Однако я только сдержанно кивнула в ответ и он, опустив голову, продолжил уже более спокойным голосом:

– Начать, пожалуй, нужно с того, что родились мы с Натали в семье военного. Нашу мать, Амалию Ивановну, я помню довольно смутно, поскольку мне было пять лет, как она умерла при родах, так что Натали никогда не знала материнской любви. Отец в тот же год вышел в отставку и, забрав нас с сестрицей, переехал в деревню. Воспитанием нашим занималась э́нни

Маргарет, настоящая английская няня, научившая нас множеству нужных вещей и любившая нас буквально, как родных, признаюсь, мы отвечали ей взаимностью. Отцу же до нас, можно сказать, не было никакого дела, он заразился какими-то прожеками, изобретал что-то, запершись в четырех стенах и я, признаться, даже плохо помню, как он тогда выглядел, поскольку не редко бывало так, что тот не покидал своих комнат по целым суткам.

Когда я вошел в полагающийся возраст, отец, оторвавшись от своих изобретений, повез меня в столицу, устраивать в военное училище. Здесь он проявил непреклонность, объявив, что единственно возможная карьера для мужчины – военная. Я не стал прекословить, – Сергей Александрович вздохнул, помолчал и, подняв на меня глаза, снова заговорил. – Затем, как вы понимаете, началась война. Я попал на фронт, но о войне позвольте мне не рассказывать, – просьба во взгляде. Я кивнула, он продолжил. – Видите ли, Екатерина Алексеевна, в училище я хоть и считался одним из лучших, но из-за своего скверного характера – очень уж угрюм был – меня не жаловали. А за время военной службы характер мой претерпел заметные изменения. Поскольку смерти я не боялся, то, командуя взводом, не раз отличился со своими солдатами. Получил после окончания военных действий Анну за храбрость. Поехал в увольнительную домой... – он снова замолчал, нахмурился, поднялся, прошелся до окна, затем вернулся и снова сел у стола:

– За это время Натали выросла, заневестилась, как в народе говорят, – легкая усмешка, – замуж ее папенька наш сосватал за местного дворянина Алтуфьева, человека бестолкового, имеющего, однако, большие деньги и в сестре моей не чаявшего души. На свадьбе я не был, это аккурат три года назад было, я тогда еще на фронте был. Нэнни наша в тот год скончалась, думаю, потому папенька и решил Натали замуж отдать, чтобы, как говорится, с рук своих сбить. Как выяснилось потом, он на свои опыты большую часть денег потратил, хорошо хоть до приданого не успел добраться, – снова кривая ухмылка. – Ладно, – Сергей Александрович вздохнул, покосился на меня, видимо, ему было неловко, и я глаза опустила. – Видите, Екатерина Алексеевна, я перед вами, как на духу... Остался я в деревне на лето. Натали, в общем, по моим наблюдениям, была вполне счастлива, тем более что к осени ждали в их семействе прибавления. Родился малыш, назвали его, как младшего Селезнева – Коленькой. – Я еще ничего не понимала, но, кажется, начала догадываться, к чему клонит Сергей Александрович. – Мальчик рос крепеньким и здоровеньким, я стал ему крестным, жили мы вполне дружно. Я уже подумывал обратно к военной карьере возвращаться, когда случилось это несчастье... – Тут он снова порывисто поднялся и прошелся в волнении по комнате. Его рука непроизвольно потянулась к галстуку, ослабить узел, но Лопатин спохватился, посмотрел на меня и пробормотал: – Pardon. Одну минуту. – Он отвернулся к окну и, как я поняла по его ссутулившимся плечам, пытался совладать с какими-то несчастливыми воспоминаниями.

Я молчала. Так прошло несколько тяжелых, длительных минут и, наконец, Сергей Александрович заговорил, все еще не отворачиваясь от окна. Его голос стал сдавленным и глухим, я с трудом могла слышать, что он говорит:

– Тогда тоже был конец февраля. Отец наш в ту зиму сильно заболел и доктор говорил, что он вряд ли доживет даже до весны. Натали приехала его проводить, оставив мужа и ребенка дома. Неожиданно поднялась метель, и я не рискнул отправить ее обратно в такую погоду. Хотя наши деревни были рядом, все равно, в быстро сгущающихся сумерках ничего не стоило заблудиться, а природа у нас такая, что вокруг сплошные поля да овраги, так что проплутать можно до самого утра, поэтому я уговорил сестру остаться у нас, – его голос заметно дрогнул.

– Mon Dieu! Я до сих пор содрогаюсь при мысли о той ночи! – Он резко развернулся, его глаза горели каким-то жутким, магическим огнем, ноздри слегка подрагивали. В эту минуту он был невероятно хорош собой, у меня даже захватило дыхание. – К утру метель успокоилась, но пошел сильный снег, а Натали вдруг заволновалась, стала собираться домой. Я говорил ей, что лучше подождать еще немного, но она ничего и слушать не хотела! Все твердила, что там что-

то случилось! Тогда я решился ее проводить. Она не спала всю ночь, жаловалась, что стоило ей только закрыть глаза, как тут же представлялись какие-то кошмарные картины, в которых и мужа, и ребенка убивают. Я говорил, что это из-за того, что она впервые с тех пор, как родился маленький Никола, провела ночь вне дома, но она отмахивалась и твердила только одно – что что-то случилось. Словом, мы выехали.

Погода была премерзкая. Снег шел такой густой и крупный, что не было видно ничего на расстоянии вытянутой руки. Мы проплутали в окрестностях несколько часов и до имения Алтуфьева добрались лишь к вечеру, совершенно уставшие, продрогшие, да еще и расстроенные, потому что Натали не только не успокоилась сама, но и меня изрядно разволновала рассказами о своих ночных кошмарах. Они поистине были ужасны, Екатерина Алексеевна... Но еще ужасней было то, что они оказались пророческими... – Я непроизвольно потянулась руками к горлу, издала какой-то звук.

Сергею Александровичу удалось напугать меня, хотя я всегда отличалась довольно крепкими нервами, и все же, глядя в его фанатично горящие глаза я напугалась не хуже маленького Ники. Мне тоже захотелось убежать в безопасное место, но Лопатин продолжал, и я застыла на своем стуле, чувствуя, как начинают леденеть конечности.

– Когда мы прибыли, то даже не заметили ничего из-за все еще продолжающегося снегопада. Кучер остановил сани у крыльца, и мы вышли... Однако кроме крыльца не оказалось ничего... То есть, конечно, дом стоял, но... От прежней усадьбы остался лишь фасад... Она сгорела...

– Как? – спросила я, совершенно пораженная.

– Ночью на усадьбу напали какие-то разбойники... Как выяснилось позже, в то время бежали каторжане, отправленные этапом в Сибирь, пять человек. Видимо, они хотели ограбить поместье, залезли в дом. Возможно, Михаил Федотыч, муж Натали, пытался защищаться, возможно, пытались защищаться слуги, однако, как бы там не было, усадьбу подожгли. Видимо, ветер, который был ночью и принес снегопад, раздул пламя и дом выгорел практически полностью. – Он снова замолчал и отвернулся к окну. – Потом, когда снег закончился, стали разбирать пепелище... Нашли малыша... Не знаю, задохнулся ли от дыма или сгорел живым... Нашли и труп Михаила Федотыча, и еще трех слуг... Они, конечно, были обезображены, но все же, было понятно, кто это... – Честно признаюсь, у меня на глаза навернулись слезы, хотя, повторюсь, я всегда отличалась крепкой душевной организацией, но так я не чувствовала себя с тех пор, как умер мой Александр.

– Теперь вы, возможно, сможете понять состояние моей сестры, – продолжил Сергей Александрович, посмотрев на меня прямо. – Она тогда буквально обезумела от горя, долго не могла поверить, что ее сын умер, все порывалась в свое поместье, хотя я и уговаривал ее, как мог. Она жила у нас, стала совершенно дикой, сидела целыми днями в своей комнате, плакала. Порой что-то с ней случалось, и она несколько раз пыталась сбежать... Словом, это было что-то ужасное. А в апреле, перед Пасхой скончался и наш отец. В наследство он оставил так мало, что меня смело можно было бы назвать нищим. Те деньги, на которые мы живем сейчас – это наследство Натали...

Похоронив отца, я решил, что Натали нуждается в серьезном лечении, а потому, выйдя в отставку, решился повезти ее на воды. Я слышал, что там есть специалисты, которые способны излечивать сложные нервные расстройства... В общем, – он снова подошел к столу и сел напротив меня, глядя теперь уже печальным, проникновенным взглядом, – так все и получилось. Натали стала чувствовать себя все лучше и лучше и скоро уже смогла появляться в обществе. Она практически полностью оправилась, но дети... Маленькие дети производят на нее такое впечатление... Когда она узнала о том, что у Селезневых есть сын Коленька, примерно того же возраста, что и ее покойный сынок, она, собираясь на прием, просила меня только об одном – сделать так, чтобы она не видела ребенка. Она слишком боялась того, что случилось

с ней нынче, у вас... Простите нас еще раз, Екатерина Алексеевна, это моя вина... Натали, по всей видимости, так до сих пор и не оправилась от потери собственного ребенка, и я слишком рано увез ее с вод...

– Что вы, Сергей Александрович, здесь нет ни вашей, ни ее вины... – сказала я.

История, рассказанная Лопатиным, заставила меня посмотреть на происшедшее иначе. Я искренне жалела и Натали, пережившую такую трагедию, как потеря маленького ребенка, и Сержа (про себя я называла его уже Сержем), которому пришлось отказаться от военной карьеры и посвятить свою жизнь лечению сестры... Ах, если бы мне знать тогда, как в тот день я была слепа!

– Возможно, – проговорил Лопатин печально, – мне снова придется увезти ее на воды. Хотя, признаюсь вам честно, мне было бы жаль покидать ваш славный город, мне здесь понравилось, да и Натали... – он опустил глаза.

– Но, может быть, кто-то из наших докторов сможет ей помочь? Тогда вам не придется уезжать. Все образуется, Сергей Александрович, вот увидите, – принялась я его уговаривать.

– Не уверен, – проговорил он.

Мы помолчали. В дверь осторожно постучали, и на пороге появилась сконфуженная, прячущая глаза, Натали.

– Екатерина Алексеевна, – еле слышно начала она, – простите меня...

– Не стоит, милая, – ласково ответила я девушке, – проходите, садитесь. Может быть, вам что-то нужно? Воды? А, может быть, чаю?

Она бросила быстрый внимательный взгляд на брата, а я снова пожалела ее. Надо же, такая молодая, а сколько ей уже пришлось пережить!

– Да, Натали, – сказал Лопатин, – я все рассказал Екатерине Алексеевне. – В ее глазах отразился неподдельный ужас. – Не пугайся. Екатерина Алексеевна была настолько добра, что даже хотела вызвать тебе доктора. Она наш друг, правда? – просящий взгляд на меня. Я кивнула в ответ. – Она никому ничего не скажет.

– Нет, конечно, можете не волноваться... Правда, Елизавета Михайловна просила прислать весточку о вашем самочувствии... Но если вы против, – я обращалась к Натали, но ответил мне Серж.

– Нет, нет, конечно. Селезневые мне представляются людьми порядочными, поэтому они не станут рассказывать о произошедшем никому. Я сам заеду к ним и все объясню. Вам даже не придется себя утруждать...

– Натали, – снова обратилась я к молчаливой и какой-то безразличной девушке (никак не могла я называть ее дамой), стоящей все также на пороге в комнату, прислонившись головой к косяку и безвольно опустившей руки, – вы, наверное, хотите остаться одна?

В ее глазах появилось какое-то, едва уловимое выражение, она сделала книксен и пролепетала, глядя на Сержа:

– Серж, поедem домой... – сказано это было так жалостливо, что мое сердце в буквальном смысле сжалось.

– Конечно, – проговорила я. – Поезжайте...

Серж поднялся со стула и поклонился. Я тоже встала и пошла проводить Лопатиных.

– Натали, – сказала я девушке, – приезжайте ко мне, как только почувствуете себя лучше. В том, что случилось, есть и моя вина. Но я обещаю, больше этого не повторится...

Она посмотрела на меня печально и как бы вскользь и рассеянно кивнула. Серж поцеловал мне на прощание руку, и они удалились.

* * *

Признаться, я чувствовала себя неудобно. Сегодняшнее событие произвело на меня тягостное впечатление, и я пребывала в задумчивости. Я подошла к окну и прижалась лбом к стеклу, задумавшись о том, смогла ли бы пережить такое потрясение я сама. Потеря ребенка мне все же представлялась большим горем, чем потеря мужа. А Натали, бедняжке, на долю выпало и то, и другое. Я вздохнула.

Здесь снова раздался звонок, и я крайне удивилась. На сегодня у меня не намечалось больше никаких визитов. Кто бы это мог быть? Вошел слуга, доложил, что внизу дожидается какой-то молодой господин и протянул мне визитную карточку.

Визитером оказался ни кто иной, как граф Успенский. Я даже поразились этому. Мы никогда не были с Вадимом Сергеевичем в близких дружеских отношениях, да и потом, несмотря на разговоры, он не принадлежал к числу людей, способных приехать без приглашения. Должно быть, что-то случилось. Я велела горничной убрать со стола и звать г-на Успенского.

Граф был взволнован. Поздоровавшись и поцеловав мне руку, он начал сбивчиво говорить:

– Екатерина Алексеевна, покорнейше прошу простить за свое вторжение, но дело у меня деликатное и, надеюсь, вы мне поможете, – я выразительно приподняла брови и предложила графу сесть. Он отказался и продолжил: – Я знаю, что вы дама, имеющая в наших кругах отменную репутацию. Я обращаюсь к вам с просьбой... Поверьте, милая Екатерина Алексеевна, я бы ни за что не обратился к вам, если бы не знал, каким положением вы пользуетесь в нашем обществе. Мне неловко вас просить, но, к сожалению, обстоятельства складываются таким образом...

– Позвольте, Вадим Сергеевич, – перебила я, все еще не понимая, что его привело в мой дом, – не могли бы вы перейти непосредственно к изложению дела, по которому прибыли? У вас ведь ко мне дело, не так ли?

Он, слегка смутившись, кивнул, потом сел, помолчал и, набравшись духа, скороговоркой проговорил:

– Да, у меня к вам дело. Нет, лучше сказать, просьба... Мне нужны деньги... Вы не могли бы мне ссудить семьдесят тысяч? Мне ненадолго, на месяц, не больше. Но деньги мне нужны срочно, – он глянул на меня умоляющими глазами.

Я помолчала. Вот уж никак не ожидала, что граф придет ко мне занимать деньги. И почему ко мне? Должно быть, пробовал занять и у других, да видно, отказали. Вряд ли он приехал бы ко мне с такой просьбой, если бы не крайняя нужда... Конечно, мое финансовое положение было прочным, но я все держала в ценных бумагах в государственном банке, поэтому, даже при всем желании не смогла бы ничем помочь нуждающемуся графу. Тем более, срочно. На то, чтобы снять такую сумму, надобно время, возможно несколько дней, но, очень вероятно, что и недели, ведь сумма-то не маленькая. Я вздохнула и развела руками:

– Прошу прощения, Вадим Сергеевич, но боюсь, что ничем не смогу вам помочь, – и объяснила ситуацию с финансами. – Поверьте, – продолжила я, – я бы ссудила вам денег, мне не жаль. И если вы сможете подождать...

– Нет! – воскликнул граф и порывисто встал. – К сожалению, ждать не имею никакой возможности! – горько добавил он. – Простите меня, сударыня, что я вас потревожил. Разрешите удалиться?

– Вадим Сергеевич, мне действительно очень жаль, что не могу вам помочь...

– Пустое, – он махнул рукой. – Я прекрасно понимаю, что сумма большая и просто так ее не достать. Я так, от безвыходности к вам обратился. Можно сказать, с перепуга... – он поста-

рался улыбнуться. – Но ничего. Не волнуйтесь, – он посмотрел на меня, видимо, мое лицо приняло озадаченное выражение. – Ситуация не так страшна, как кажется... Я что-нибудь придумаю. Продам свое имение, например... Давно собирался это сделать. Стоит где-то на краю света, толку от него никакого, – он выразительно поморщился, пытаясь сгладить впечатление от своего неожиданного посещения.

– Это вы об Алексеевке так? – удивленно переспросила я, поскольку знала, что граф давно уже поговаривает о продаже именно этого имения.

Оно действительно располагалось довольно далеко от города, но все же было отменно большим и довольно богатым. Можно сказать, что Алексеевка была настолько же богата, насколько и далека. Стоит она действительно прилично, тысяч шестьдесят, а то и все семьдесят.

– Да, – ответил граф. – Но rassons. Я пойду, Екатерина Алексеевна? Только, прошу вас... Большая просьба – не говорите никому о моем визите... Сохраним конфиденциальность. Уж в этом-то вы мне, надеюсь, не откажете? – теперь уже граф вполне владел собой.

– О, конечно, граф, – ответила я. – Можете рассчитывать, все это останется *entre nous*.

– Я знал, что могу на вас рассчитывать, – поклонился граф и поцеловал мне руку. – Открою вам тайну, вы ведь все равно будете думать, зачем мне этикие деньжищи и так спешно, не так ли? – он лукаво подмигнул. – Карты, – тихо проговорил он, сделав большие глаза.

– Я так и думала. Но вы ведь не банкрот?

– Что вы, сударыня! – воскликнул Вадим Сергеевич. – Ничуть! Графа Успенского невозможно разорить, его возможно только временно поставить в затруднительные обстоятельства... – Он коротко хохотнул и, по-моему, уже в совершенно ином расположении духа, удалился.

Что и говорить, день выдался крайне насыщенный, а потому, легко поужинав, я отправилась в спальню, все еще думая над историей, поведанной мне Лопатиным. Да и самом Серже, положила руку на сердце, тоже...

Глава третья

Понедельник, двадцать четвертое число, выдался пасмурным. Все утро я провела в каком-то странном, не очень приятном состоянии – словно бы в тумане. Я было уже подумала о том, что снова разболелась, однако, часам к двенадцати, почувствовала себя уже довольно неплохо и даже решила на визит к Селезневым. Хотя Сергей Александрович и говорил вчера, что заедет к ним и сам объяснится, но все же, подумала я, мне тоже следовало бы побеседовать с Елизаветой Михайловной. Да и потом, признаюсь, меня волновало самочувствие маленького Ники, как-то он справился со вчерашним испугом?

Словом, я велела Степану готовить сани часам к трем пополудни, поскольку более ранний визит был бы неуместен, а Алене – готовить мне темно-серое платье из шерсти, я заказывала его до своей болезни, но, получив, еще ни разу не надевала.

Итак, без десяти минут три, я была у дома Селезневых, который располагался на улице Казачьей, практически напротив уездного суда, в доме помещика Калининкова. Сей помещик, сказывали, был большой ценитель архитектуры, а потому дом себе отстроил нарядный, с лепным фасадом, с мраморным крыльцом и даже с дорическими колоннами.

Особняк был двухэтажным. На первом этаже располагались две комнаты – малая гостиная и большая зала для балов, соединенные между собой створчатыми дверями. Затем, здесь же, была кухня и помещения для слуг. На втором же этаже находились детские, спальни хозяев, комнаты для гостей и кабинет. Лестница, ведущая на второй, этаж была мраморной. Что и говорить, помещик Калининков любил комфорт.

В доме царило оживление, это я поняла сразу же, как только вошла в просторную прихожую, освещенную люстрой. Слуги деловито сновали туда-сюда и я, признаться, почувствовала себя лишней. Было неудобно вот так, без приглашения появиться, но и уходить сейчас, как говорят в нашем народе – несолоно хлебавши, представлялось мне тоже практически невозможным. Я замялась, чувствуя, что пришла не ко времени, правда лакей, открывший мне дверь и принявший мою меховую мантилью, повел меня вглубь дома, в малую гостиную и, когда я оказалась в этой уютной, светлой комнате, я поняла, наконец, причину царившего в доме оживления.

К Селезневым из столицы прибыл гость, который скромно сидел сейчас в одном из кресел, а напротив него, в домашнем халате, восседал сам генерал Селезнев. Елизавета Михайловна, в светлом утреннем платье, сидела на диване, вооружившись пальцами. Когда я остановилась на пороге комнаты, все трое посмотрели на меня, и на лицах Селезневых тут же появилась искренняя улыбка. Меня сие обстоятельство порадовало, я улыбнулась в ответ и вошла в гостиную. Мужчины поднялись мне на встречу, мы поздоровались, я села на диван рядом с хозяйкой, которая тут же велела горничной подать нам чаю.

Звали молодого человека Аполлинарием Евгеньевичем Гвоздикиным, служил он скромным письмоводителем в небезызвестном Третьем отделении Санкт-Петербурга, имел чин коллежского регистратора, куафюру светло-русого цвета, простое, веснушчатое лицо, яркие синие глаза под бледными бровями, короткий нос, большегубый рот, торчащие уши, фигуру длинную, тощую и нескладную, при разговоре краснел и заикался, а лет ему было едва ли двадцать. Ко всему вышеперечисленному Аполлинарий Евгеньевич был кузеном Елизаветы Михайловны по материнской линии и приехал к родным погостить. Держался он скромно, по всему видно, что робел в присутствии своего сановитого родственника, к тому же, натура у Гвоздикина, по моим наблюдениям, была легковозбудимая и он, скорее всего, склонен был к истериям и необдуманным поступкам.

Мы выпили чаю, и Елизавета Михайловна предложила мне навестить Нику, сославшись на то, что мужчинам, наверное, есть о чем побеседовать наедине. Мы вышли из гостиной, и

она, понизив голос, сказала мне о том, что вчера с объяснениями приезжал Лопатин. Теперь, добавила Елизавета Михайловна, ей и самой жаль бедняжку Натали, однако, все равно, Ника вчера был сильно напуган и долго не мог уснуть. Глаше пришлось почти всю ночь рассказывать ему сказки, а когда он заснул, то, верите ли, произошла с ним маленькая неприятность, хотя в последние месяцы это вовсе перестало с ним случаться.

Тем временем, мы поднялись наверх и дошли до детской, из-за двери которой раздавался веселый Никин голос. Мы вошли. Честно признаюсь, я поначалу думала, что мальчик после случившегося и меня станет бояться. Мышление у детей, как я успела заметить, иное, нежели у взрослых, и я была уверена, что пережитое вчера, прочно связывается для Ники с посещением моего дома. Однако он, увидев меня, слез со своей лошадки и бросился ко мне с сияющей улыбкой.

* * *

Следующая неделя оказалась для меня весьма насыщенной. Я получила письма от Шурочки и от Петруши, в которых оба заверяли меня, что вернуться в Саратов на Масленой. Нынче Масленица выпадала по календарю с третьего марта, и я пребывала в приятном ожидании встречи с моими милыми друзьями.

Хотя, как я уже обмолвилось, скучать мне не приходилось. Во-первых, я три раза побывала у Селезневых, теперь они решили устраивать вечера по четвергам и некоторые приготовления в связи с этим, я взяла на себя. Например, я заказала приглашительные билеты, помогала Елизавете Михайловне с оформлением залы и с составлением меню. Подобные приготовления всегда занимают массу времени, однако и дарят немало приятных мгновений.

Во-вторых, Сергей Александрович, кстати, он просил звать его Сержем (вскользь замечу, что имя это ему безумно шло), взял надо мной негласное опекуновство. Натали в свете пока не показывалась, поэтому ее брат решил повсюду сопровождать меня, видимо, он уже привык над кем-то, как выражаются англичане, шефствовать. Таким образом, он сопровождал меня дважды к Селезневым, один раз в театр на «Свадьбу Кречинского», которая, к слову, мне очень понравилась, и на прогулки.

Чувствовала я себя совершенно оправившейся от болезни, получала массу удовольствий от визитов, театра и прогулок. Я даже снова начала упражняться в стрельбе, чему мой постоянный спутник, г-н Лопатин, был очень удивлен, однако меткость, с которой я по-прежнему попадала с двадцати шагов в пятак, его просто восхитила.

– Да вам опасно попадаться на пути, сударыня! – воскликнул Серж.

– Это почему же? – с нескрываемым интересом спросила я.

– Ну как же! Вы так метко стреляете, что, будь вы мужчиной, я бы поостерегся!

– Однако, я не мужчина, – улыбнулась я.

Лопатин взял меня под руку, и мы направились к саням, ожидавшим на некотором расстоянии.

– Это так, Екатерина Алексеевна, – проговорил он, лаская меня взглядом, – вы прекрасная и прямо-таки выдающаяся женщина. Таких я прежде не встречал.

Я смутилась и промолчала, поскольку его взгляд в этот момент был таким обжигающим, что меня бросило в жар. Признаться, я чувствовала себя неловко от того, что Серж так открыто за мной ухаживает и еще больше – от того, что я была готова принять его ухаживания. Всю дорогу к дому мы молчали.

Этот эпизод имел место как раз перед Масленой, в воскресенье, второго марта, я запомнила этот день, потому что это был последний безмятежный день, накануне тех несчастливых событий...

* * *

Городское начальство расстаралось. На Театральной площади были устроены великолепные зимние аттракционы: и деревянные горы, и разные балаганы, и угощение блинами. Понедельник, начало Сырной недели, выдался солнечным, ярким, морозным. С самого утра я пребывала в прекрасном расположении духа, собираясь заехать за Селезневыми, а затем, вместе с ними, побывать на аттракционах.

Сергей Александрович вчера, прощаясь со мной, сказал, что не сможет сопровождать нас, поскольку Натали все не становится лучше. Однако сейчас он не имеет возможности взять ее на воды, поскольку необходимо его присутствие в городе, в связи с открытием банка. Поэтому Серж, чтобы не травмировать сестру лишним раз, решил, что будет лучше, если некоторое время она проведет в деревне и по случаю приобрел небольшое имение Знаменских, куда и собирался нынче отвезти Натали. Я хотела было с ней попрощаться, но Серж не пустил меня, сославшись на ее дурное самочувствие и хандру.

Словом, к двум часам дня я уже собралась и, сев в приготовленные сани, отправилась к Селезневым. Город был разукрашен по-праздничному: афишами, гирляндами, огнями, яркими шарами, развешенными на уличных фонарях. Всюду прогуливалась нарядная публика, в общем, Масленица, один из любимейших в народе праздников, чувствовалась повсюду.

Селезневые были уже в сборе. Но, как выяснилось, Ника с нами не поедет. Глаша сказала, что нынче он плохо спал и кашлял, потому было решено оставить его дома вместе с ней. Мальчик действительно выглядел бледным и осунувшимся, к нему вызывали с утра доктора и тот прописал постельный режим и микстуру.

Однако наша небольшая процессия все же направилась на площадь. В мои сани сели мы с Елизаветой Михайловной и Катюшей, а генерал взял к себе в возок столичного родственника. Молодой человек все еще нервничал в обществе Валерия Никифоровича, чем, как я уже заметила, начинал раздражать героя войны, страсть как не любившего подобные экивоки.

Мы прибыли на площадь и смешались с пестрой праздничной толпой. Гуляния были в самом разгаре. Несколько раз подряд покатались на аттракционах, особенно понравились нам с Катей «дилижаны», на которых мы, с захватывающим дух ощущением, съезжали с крутой деревянной горки. Затем смотрели на страшного, абсолютно черного, одетого в длинный кожаный фартук, басурмана, изрыгающего изо рта языки пламени; на шпагоглотателя в белых шальварах и ярком желтом халате с бритой головой; на огромного бурого медведя с медным кольцом в носу, которого водил за собой бородатый взъерошенный цыган в заячьей куцавейке; на представление скоморохов; на потешного Петрушку. И, конечно же, ели блины: с медом, со сметаной, с икрой, с кашей, запивая все это горячим сбитнем. Словом, мы веселились, как и положено на бесшабашной Сырной неделе, и совершенно не заметили, как день начал тускнеть и близиться к вечеру.

Один только Гвоздикин не участвовал в общем веселии, он был хмур больше прежнего, по временам что-то ворчал себе под нос, не катался на аттракционах и съел за все время только один блин с красной икрой. Он то и дело нервно озирался по сторонам и раньше всех начал поговаривать о возвращении домой, ссылаясь на холод. Однако его, разумеется, никто не поддерживал, просто потому, что нам было ничуть не холодно и всем хотелось дожидаться фейерверка.

Гвоздикин же стал и вовсе несносен со своим всегдашним тоскливым видом и генерал, разгоряченный водкой и «дилижанами», не желая раздражаться в такой замечательный день, велел Матвею возить родственника домой, за что Гвоздикин, смутившись сильнее обычного, принялся горячо благодарить Валерия Никифоровича. Было это около пяти часов пополудни.

В шестом часу, когда сумерки уже заметно опустились на город, начали стрелять из привезенных из столицы пушек, выпуская в темнеющее небо яркие, светящиеся и разлетающиеся во все стороны фейерверки. Нашему восхищению не было предела, особенно же зрелище понравилось Катеньке, которая от восторга даже захлопала в ладоши и начала подпрыгивать на месте. Фейерверки продолжались до шести вечера и, дождавшись, когда они закончатся, мы, пребывая в прекрасном расположении духа, собрались ехать домой.

Кучер Селезневых, Матвей, уже успел вернуться, и теперь мне компанию составила Катюша, а Елизавета Михайловна сели с мужем. Я была приглашена на обед и согласилась с радостью, поскольку мне хотелось продлить это замечательное ощущение праздника, атмосфера которого чувствовалась во всем.

Доехали мы быстро, с ветерком, благо, что дом, в котором проживали Селезневые, был всего в двух кварталах от площади. В доме, к нашему немалому удивлению, во всех окнах горел свет. Мы вышли из саней и уже в дверях нас встретил какой-то взъерошенный и совершенно подавленный Гвоздикин, по растерянному выражению его лица мы все сразу же поняли, что случилось что-то непоправимое.

– Что, Аполлинарий?! – первой кинулась к нему Елизавета Михайловна. – Что случилось?

Аполлинарий Евгеньевич в ответ принялся разевать рот, однако, не издавая ни звука, его глаза расширились сверх всякой меры, а кадык на тонкой шее заходил туда-сюда.

– Да говори же! – рявкнул генерал, которому тоже передалось нехорошее ощущение тревоги, словно бы витающее в самом воздухе. Гвоздикин продолжал делать бессмысленные мимические движения, не издавая при этом ни одного членораздельного звука. Селезнев попытался схватить его за плечи, чтобы встряхнуть, но, видимо, решил, что это бесполезно и, скидывая на ходу горностаевую шубу, крикнул вглубь дома:

– Глаша! Ефим! – никто не отозвался.

Дело в том, что по случаю праздника в доме оставалась только Глаша, чтобы присмотреть за Николаем Валерьевичем и Ефим, старший лакей, которых Селезневые привезли с собой, остальная же прислуга из местных, получив накануне полагающееся в таких случаях денежное поощрение, была отпущена к родным.

Елизавета Михайловна, не раздеваясь, поспешила наверх, туда, где находилась детская, Катюша последовала за маменькой, совершенно перепуганная и бледная, Валерий Никифорович, наоборот, направился к кухне, где сейчас уже должны были находиться оба кучера, а я попыталась разговорить несчастного юношу. Я скинула шубку и, взяв Гвоздикина за руку, как маленького мальчика, принялась его расспрашивать, обращаясь к нему тихо и ласково, одновременно ведя его к гостиной.

– Аполлинарий Евгеньевич, милый, – говорила я ему, – что вас так напугало?

– Я... М-мне... Вы з-знаете... – начал говорить он, но в этот момент раздался женский крик и я, бросив Гвоздикина, подхватила юбки и побежала наверх.

У лестницы меня догнал Селезнев, и мы наперегонки стали подниматься. Оказавшись на втором этаже, мы, не сговариваясь, ринулись к детской, которая располагалась в конце коридора, откуда теперь слышались причитания и плач. Дверь была распахнута и уже на пороге комнаты я поняла, что произошло.

В детской царил беспорядок, повсюду были разбросаны игрушки и одежда Николая Валерьевича, окно было распахнуто, стекло в раме разбито и холодный ветер трепал шторы. Около окна, в неестественной позе, навзничь, лежал Ефим, с посиневшим лицом, высунув язык, запрокинув голову и уставившись уже ничего не видящим взглядом выпученных глаз, в потолок. Ни Глаши, ни ребенка не было. Елизавета Михайловна сидела на коленях у детской кровати и, сторбившись, причитала, как простая крестьянка. Катюша, забившись в противоположный угол, смотрела огромными, расширенными глазами на задуманного слугу и от испуга

рыдала в голос. Генерал ворвался в комнату и рванулся к жене, схватив ее за плечи, попытался поднять, но Елизавета Михайловна, оттолкнула его с силой, крикнув:

– *Laissez-moi!* Оставьте меня, говорю! – и принялась причитать снова. – Ника! – кричала она. – Ника! *Mon bebe! Mon pauvre petit!* Ника, Ника, мой мальчик!

Генерал опустился рядом с супругой и попытался ее уговорить. Я подошла к Катеньке и, подняв ее на ноги, постаралась вывести из детской. Несмотря на то, что девочка была изрядно напугана, мне все же удалось увести ее в другую комнату. Я поспешила вниз и велела Степану сейчас же привести Алену и Стешу, чтобы было кому посидеть с Катенькой, в таком состоянии ее ни за что нельзя было оставлять одну.

Наверх поднялся Матвей. Селезнев, совершенно потерянный, велел было ему ехать за полицией, но я, снова оказавшись в детской, заметила нечто, ускользнувшее от нашего внимания раньше. Это была записка, приколотая к обитой светло-бежевым шелком стене. Я подошла ближе, пытаюсь ее прочесть.

– Матвей, – говорил тем временем генерал, расстегивая тугой воротничок рубашки трясущимися руками. – Немедля! Полицию!

– Есть, ваше превосходительство! – рявкнул Матвей и направился к выходу.

– Нет! – воскликнула я. – Подожди, Матвей!

Он остановился, а Селезнев развернулся ко мне с таким выражением лица, что, если бы не послание, я могла бы серьезно опасаться за свою жизнь.

– Что это значит?! – крикнул разгневанный генерал и сделал несколько шагов в мою сторону. – Как вы смеете распоряжаться в моем доме?!

Я молча указала на записку. Генерал сглотнул, стараясь взять себя в руки, подошел к стене и уставился на белый лист бумаги, на котором широким, размашистым почерком было написано несколько строк по-французски.

– Что это?! – буквально взревел Валерий Никифорович, окончив чтение. – Да как они могут! Мерзавцы! Они не знают, с кем имеют дело! – он сорвал со стены лист и хотел было его порвать, но я вцепилась в его руку довольно сильно и прошипела ему в лицо:

– Возьмите себя в руки, Валерий Никифорович! *N'ü penser pas!* Что вы делаете, ведь это улика! Отдайте записку мне!

Генерал поморгал глазами и, с силой выпустив воздух, отдал мне помятый листок.

– *Tas de salauds!* – повторил он и вернулся к жене, которая перестала причитать и, сжимая в руках одну из Никиных игрушек, смотрела невидящим взглядом на стену перед собой, продолжая плакать.

– Лиза, Лизонька, – попытался позвать он, однако Елизавета Михайловна не откликнулась.

– *Mon Dieu,* – пробормотал генерал и повернулся ко мне. – Что же мне теперь делать, Екатерина Алексеевна?

Я вздохнула и сказала то, что считала нужным:

– Матвей, выйди, – сказала я. Затем обратилась к Селезневу. – Во-первых, Валерий Никифорович, *sous sage*, от вас сейчас потребуется присутствие духа. Во-вторых, следует успокоить вашу жену и дочь. И, в-третьих, нам следует поговорить о случившемся. Но сначала – дождемся Степана, он привезет моих горничных и они позаботятся о Елизавете Михайловне и Катюше. Кстати, о Катюше, – я направилась к выходу. – Валерий Никифорович, уведите Елизавету Михайловну из этой комнаты и, пожалуйста, закройте дверь.

– Да, да, конечно, – пробормотал Селезнев, который враз как-то сник и даже как будто состарился. – *Oui, vous avez raison.* Вы правы...

* * *

Полчаса спустя после того, как Степан привез моих служанок и они, дав господам успокоительные капли, уложили их в постели, мы с Валерием Никифоровичем и, вновь обретшим возможность связно выражаться, Гвоздикиным заперлись в генеральском кабинете, затем, чтобы обсудить случившееся.

– Итак, – начала я, прохаживаясь между креслами, в которых сидели растерянные мужчины, – что мы имеем? Похищение маленького Ники. Это главное. Затем... Пропаж Глаши. Убийство Ефима. Записка от похитителей. И предположительное время, когда все это произошло. Разберем более детально. Вы согласны? – спросила я у Селезнева.

– Да, делайте, как считаете нужным, – махнул генерал рукой и, встав из кресла, направился к шкафу, из которого достал лафетку и три рюмки. – Не хотите ли наливки? – Гвоздикин, с минуту колебавшись, кивнул, я же отрицательно покачала головой, поскольку последняя мне сейчас была нужнее трезвой.

Генерал вернулся в кресло, налил две рюмки наливки, протянул одну из них Гвоздикину, они выпили.

– Значит так, – сказала я. – Первое. Время похищения. Предположительно между двумя и пятью часами дня, не так ли? Вы ведь, Аполлинарий Евгеньевич, прибыли сюда в шестом часу?

– Д-да, д-да, – залепетал Гвоздикин. – Была, д-должно быть, п-половина шестого, к-когда я п-подошел к дому, отп-пустив Матвея.

– Так. Расскажите нам, пожалуйста, все, что последовало после. Все, понимаете? Это очень важно, – строго сказала я и села на кожаный диван.

– Хорошо, хорошо, Ек-катерина Алексеевна... Валерий Н-никифорович... Можно только мне еще н-наливки? – жалостливо попросил он, глядя на генерала.

Тот рассеянно кивнул и плеснул в рюмку темной, терпко пахнущей жидкости. Гвоздикин сделал небольшой глоток, закрыл глаза, вздохнул и, начал говорить немного сбивчиво, с паузами, словно бы через силу:

– Значит, т-так. Я п-позвонил в дверь, но мне ник-кто не открыл. П-признаться, я п-поначалу не удивился, т-так как знал, чт-то слуги распущены и в доме т-только двое... Pardon, т-трое вместе с Н-ником Валерьевичем, – тут же поправился Гвоздикин, бросив виноватый взгляд на генерала, но тот только болезненно поморщился и закрыл глаза. – Я п-подождал. Затем п-позвонил снова. Еще п-подождал, п-полагая, что Глаша наверху с ребенком, а Ефим к-куда-нибудь отлучился. Однако, когда и п-после т-третьего звонка мне никто не от-ткрыл, я заволновался...

– Скажите, Аполлинарий Евгеньевич, – перебила его я, – а окна в доме были освещены?

– Окна? – растерянно переспросил он. – К-кажется нет. Т-точно нет.

– Но когда мы прибыли, – напомнила я, – свет горел во всем доме.

– Верно, – кивнул головой Гвоздикин, – эт-то я его зажег.

– Вы?

– Д-да. К-когда мне ник-кто не открыл, я решил обойти особняк и зайти с черного входа. Однако т-там было заперто, и я вернулся к п-подъезду, надеясь, что т-теперь-то мне откроют. Т-только тщетно. Я снова позвонил, п-подождал и, совершенно расстроившись, т-толкнул дверь. Она, к моему удивлению, оказалась не заперта, – Гвоздикин сделал еще один глоток. – Я вошел в темный д-дом. Б-было очень тихо. Т-тогда я стал обходить д-дом, зажигая свет в к-комнатах. Я как-то видел, к-как Ефим его зажигает. Это не сложно, п-просто нужно п-повернуть винт на лампах и п-поднести огонь. Внизу, к-как вы п-понимаете, никого не ок-казалось. Т-тогда я п-поднялся наверх. И в д-детской... – здесь Гвоздикин всхлипнул и замолчал.

– В комнате все было так же, как мы обнаружили?

– Д-да... Я очень испугался, Ек-катерина Алексеевна...

– Это понятно, – мягко проговорила я. – Значит, в пять часов Ники здесь уже не было...

Получается, как я уже говорила, что похитили его между двумя и пятью часами. – Я помолчала, раздумывая. – Теперь дальше. О том, каким образом похитители вышли из дома, мы знаем. Дверь была не заперта. А каким образом они в дом попали? Через окно было бы совершенно невозможно это сделать. Да и следов внизу, как я успела заметить, обходя дом, пока вы успокаивали дам, нет никаких. Значит, злодеи попали сюда через двери. Черный вход, насколько мы знаем от господина Гвоздикина, был заперт на ключ. Кстати, Валерий Никифорович, у кого имелись ключи от черного входа?

– Ключи? – генерал открыл глаза. – У Ефима, Матвея и старшей горничной Анны, насколько мне известно.

– Ясно, – кивнула я. – Матвей все это время был с нами. Ефим здесь. Нужно разыскать Анну и расспросить ее как следует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.